

Распад англо-французской коалиции и позиция Турции в июне 1940 г.

Крупнейшим событием начального периода второй мировой войны явился разгром Франции, который привел к распаду англо-французской военной коалиции и поставил Англию перед угрозой фашистского вторжения. Буржуазная историография приложила немало усилий с целью фальсификации подлинных причин поражения англо-французского блока в июне 1940 г. Одним из примеров такого рода мифов, укоренившихся в западной исторической литературе, стал тезис о невыполнении обязательств и даже о «предательстве» по отношению к союзникам со стороны Турции, которая в июне 1940 г. отказалась вступить в войну, вопреки условиям англо-франко-турецкого пакта от 19 октября 1939 г.

Британский официальный историк Дж. Батлер рассматривает решение Турции остаться вне войны в июне 1940 г. как подрыв основ союзной ближневосточной стратегии, которая якобы базировалась на том, что вступление Италии в войну на стороне гитлеровской Германии немедленно повлечет за собой вступление в войну Турции на стороне Англии и Франции¹. Л. Вудворд видит одну из причин поражения англо-французского блока в июне 1940 г. в том, что союзникам не удалось добиться эффективной поддержки со стороны стран Балкано-Ближневосточного региона по вине Турции, которая, по его словам, после вступления в войну фашистской Италии объявила англо-франко-турецкий договор о взаимопомощи утратившим силу².

Вопрос о позиции Турции в июне 1940 г. затрагивался в ряде работ советских историков³. Вместе с тем представляется

¹ Батлер Дж. Большая стратегия. М., 1959, с. 288.

² Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. L., 1962, p. 127.

³ Ганусец А. И. Внешнеполитический курс турецкого правительства в начальный период второй мировой войны (1939 — июнь 1941 гг.). — В сб.: Турция: история, экономика. М., 1978; Корхмазян Р. С. Внешняя политика Турции в годы второй мировой войны. — В сб.: Проблемы истории Турции. М., 1978.

необходимым вернуться к этому вопросу на основе анализа некоторых новых источников.

* * *

В предвоенные годы державы англо-французского блока добивались союза с Турцией с целью создания благоприятных военно-политических условий для защиты своих владений на Ближнем Востоке от притязаний империалистических конкурентов в лице Германии и Италии. Военное руководство Англии и Франции в качестве одной из первоочередных мер в случае военных действий в Восточном Средиземноморье против оси Берлин—Рим предусматривало совместную операцию по захвату важнейшего стратегического пункта фашистской Италии в Эгейском море — укрепленных баз на островах Додеканес. Успешное осуществление этой операции ставилось в прямую зависимость от содействия Турции⁴.

Угроза фашистской агрессии на Балканах и Ближнем Востоке, непосредственная итальянская опасность стала главным фактором, способствовавшим сближению Турции с англо-французским блоком и заключению англо-франко-турецкого договора взаимопомощи от 19 октября 1939 г. Подписанная одновременно англо-франко-турецкая военная конвенция придавала Додеканесской операции первостепенное значение⁵.

Однако эффективность этих актов обесценивалась преобладанием антисоветских установок в военной политике правящих кругов Англии и Франции в период «странной войны». «Целясь в своего капиталистического конкурента, они метили в Советское государство, в родину социализма»⁶. Руководствуясь идеей канализации фашистской агрессии в направлении СССР, англо-французская дипломатия настояла на подписании секретного приложения к англо-франко-турецкому договору, которое предусматривало вступление в силу обязательств взаимопомощи только после достижения войсками противника границ Болгарии или Греции⁷. Такое сужение сферы действия договора раскрывает взгляды правительств Англии и Франции относительно допустимых пределов фашистской агрессии в Юго-Восточной Европе. Секретное приложение предопределяло готовность Запада пожертвовать странами Балкано-Дунайского региона в интересах германо-советского столкновения.

---

⁴ DDF, ser. 2, t. 8, N 211, p. 420. Записка командующего французскими войсками в Леванте генерала Хюнцигера относительно военных соглашений с Турцией, 19. 2. 1938.

⁵ PRO, Cab. 66/2, WP (39)63, app. B, p. 82.

⁶ История второй мировой войны в 12-ти т. М., 1974, т. 3, с. 7.

⁷ PRO, Cab. 66/2, WP (39)63, p. 80—82.

Вслед за этим Англия и Франция развернули активную деятельность по подготовке нападения на СССР с юга, рассчитывая превратить войну, возникшую внутри капиталистического лагеря, в объединенный поход международной реакции против Советского Союза. Такая политика вела к фактическому разоружению англо-французского блока перед лицом фашистской агрессии. Весной 1940 г. в связи с возрастанием угрозы вступления в войну фашистской Италии союзники неоднократно рассматривали возможность расширения театра военных действий на Восточное Средиземноморье. Британский комитет начальников штабов 16 апреля подготовил для военного кабинета доклад с анализом некоторых конкретно-возможных мер противодействия Италии в этом районе мира. Доклад отразил дилемму, стоявшую перед англо-французским руководством: начальники штабов сделали откровенный вывод, что эффективная подготовка к боевым действиям против фашистской оси в Восточном Средиземноморье возможна только за счет отказа от так называемых «кавказских проектов» — англо-французских планов нападения на СССР с юга⁸. Дилемма была решена в Лондоне и Париже с антисоветских позиций. В итоге накануне наступления гитлеровской Германии в Западной Европе в решениях союзного верховного совета указания об ускорении подготовки к операциям против советских нефтяных центров в Закавказье сопутствовали установкам на невмешательство в случае агрессии Германии в Румынии, Италии в Югославии и Греции⁹. Тем самым западные союзники заранее отдавали стратегическую инициативу в этом районе мира в руки противника.

Пассивно-оборонительная по отношению к фашистским захватчикам стратегия держав англо-французской коалиции, стремление их политического руководства переадресовать империалистическую войну против СССР не могли не отразиться на разработке планов взаимодействия с Турцией. Острыми разногласиями сопровождались англо-франко-турецкие штабные переговоры, проходившие с 15 по 20 марта в Алеппо. Для союзников по пакту, подписанному в Анкаре 19 октября 1939 г., это была первая конференция подобного рода. Она проводилась на уровне начальников штабов командующих союзными силами на Ближнем Востоке, турецкую делегацию возглавлял генерал Азим Гюндюз, заместитель начальника турецкого генштаба. Повестка дня конференции предполагала рассмотрение планов укрепления Фракии. Турция поставила вопрос об англо-франко-турецком оперативном сотрудничестве, в частности о Додеканесской операции, на случай вступления в войну Ита-

---

⁸ PRO, Cab. 66/7, WP (40)130, p. 66—68.

⁹ Villetelume P. Journal d'une défaite (Aout 1939 — Juin 1940). P., 1976, p. 295—299.

лии, и это едва не сорвало конференцию¹⁰. Англичане отказались обсуждать вопросы, выходящие за рамки повестки дня. По настоянию турецкой стороны во избежание провала переговоров вопрос был все-таки поставлен на обсуждение, но союзники отделались уклончивым решением о необходимости его дальнейшего изучения¹¹.

10 мая 1940 г. гитлеровский вермахт начал наступление в Западной Европе. Оперативные планы ОКВ предусматривали использование против Франции некоторого количества итальянских войск¹². Берлин рассчитывал подчинить предполагаемое вступление в войну итальянского союзника осуществлению своих замыслов. Одной из важнейших забот гитлеровской дипломатии было предотвратить сепаратные действия Италии на Балканах и Ближнем Востоке в духе итало-фашистской доктрины «параллельной войны».

Германский посол Маккензен сообщал 14 мая из Рима, что, по его сведениям, за возможным решением Италии начать наступательную войну в Восточном Средиземноморье последуют нападение на Югославию, оккупация некоторых греческих островов при выходе из Адриатического моря и «полное использование» итальянских военных баз на островах Додеканес в непосредственной близости от малоазиатского побережья, что привело бы к автоматическому вступлению в войну Турции на стороне англо-французского блока¹³.

17 мая, ознакомившись с выводами Маккензена о намерениях Италии в Восточном Средиземноморье, германский посол в Анкаре Папен направил Риббентропу политический доклад, в котором предупреждал: «Ведение войны в этой сфере англо-французской гегемонии без координации с нами может отнять у германской армии конечную победу... Проблема состоит в том, сможет ли Италия вести свою войну против господства Англии и Франции в Средиземном море, не включая Балканы и Турцию в свои операции...»¹⁴.

Германская дипломатия приложила максимум усилий для решения этой проблемы. В послании к Муссолини от 31 мая 1940 г. Гитлер прямо указал на необходимость публичного заявления дуче о том, что Восточное Средиземноморье не будет включено в зону военных действий¹⁵. 2 июня специальной депешей Муссолини заверил Гитлера, что со стороны Италии не будет никаких сюрпризов, способных нарушить сценарий гит-

---

¹⁰ Lorbeer H.-J. Westmächte gegen die Sowjetunion 1939—1941. Freiburg, 1975, S. 119, Anh. 5.

¹¹ PRO, Cab. 21/1180, 19/10/162, pt. 4.

¹² Warlimont W. Inside Hitler's Headquarters 1939—1945. N. Y., 1964, p. 55.

¹³ DGFP, ser. D, v. 9, N 245, p. 341—342.

¹⁴ Ibid., N 265, p. 364—365.

¹⁵ Ibid., N 357, p. 485.

леровской агрессии: «Моя программа такова: в понедельник 10 июня объявление войны и утром 11 июня начало военных действий... В речи, которую я произнесу через несколько часов после объявления войны, скажу, что Италия, верная своей политике, не намерена расширять театр войны, и назову дунайские и Балканские страны, включая Грецию и Турцию»¹⁶. Итало-фашистское руководство приняло требования Берлина, рассчитывая на частичную реализацию целей «параллельной войны» за столом переговоров с поверженной Францией.

Таким образом, Вильгельмштрассе получила желанный козырь для воздействия на позицию Турции, который не преминула использовать. 3 июня во время официальной аудиенции Папен заявил турецкому президенту Иненю: «Германское и итальянское правительства имеют совершенно одинаковые мнения в отношении сохранения мира на Балканах и в отношении Турции. Когда Италия будет сражаться в Средиземном море за свои законные интересы, не будет никаких причин для беспокойства относительно распространения войны на Ближний Восток»¹⁷. Этим поспешным демаршем Берлин стремился лишний раз оттенить свою роль «радетеля» турецких интересов, в то время как официальный Рим помалкивал о каких-либо гарантиях Турции вплоть до объявления войны 10 июня.

Даже столь ненадежное заверение было с удовлетворением воспринято турецким президентом, что, в свою очередь, отразилось на ходе германо-турецких экономических переговоров и позволило Папену сделать вывод: «У меня сложилось впечатление, что если в случае итальянского вступления в войну турецкая чувствительность в ее психологических аспектах будет пощажена, то ее (Турции. — В. Б.) длительный нейтралитет может определенно продолжаться и далее»¹⁸. Для Папена эта мысль не была новой. Еще в первых числах мая, до начала гитлеровского наступления в Западной Европе, в ответ на неоднократные запросы Берлина относительно позиции Турции в случае вступления Италии в войну турки заявили, что если итальянская агрессия не коснется Балкан и турецкой территории, то Турция ограничится пассивным содействием союзникам и воздержится от всякого рода военных акций¹⁹. Турецкая позиция не противоречила духу англо-франко-турецкого пакта и намерениям западных союзников. По сведениям Папена, это подтверждалось неофициальным заявлением французского посла в Анкаре Массигли, что при условии получения итальянской гарантии «Турция не будет побуждаться к каким-либо наступательным военным действиям»²⁰.

---

¹⁶ Ibid., N 373, p. 505.

¹⁷ Ibid., N 375, p. 506—507.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Ibid., N 200, p. 288.

²⁰ Ibidem.

Ссылка Папена на Массигли заслуживает внимания. Возникает вопрос, был ли Запад заинтересован в сохранении Турцией позиции невоюющего союзника при соблюдении державами фашистской оси статус-кво в Восточном Средиземноморье?

Доклад британского комитета начальников штабов от 14 мая 1940 г. исходил из концепции пассивной стратегии в Восточном Средиземноморье и ограничивал взаимодействие союзников с Турцией задачами обороны на линии Черноморских проливов в случае одновременного германского и итальянского наступления²¹. В полном соответствии с такими установками правительство Великобритании отклонило предложение об оформлении англо-греческого союза, которое сделал 18 мая премьер-министр Греции Метаксас²². На англо-франко-турецких штабных переговорах в Бейруте 20 мая представителей французского командования, которые выступили с предложением «обезвредить Додеканес», англичане попросту одернули, заявив: «У нас и без этого хватит забот»²³.

Французское руководство пребывало в состоянии замешательства. Логическим следствием политики правящих кругов Франции стал вывод, который в те дни сделал Ф. Шарль-Ру, вступивший 21 мая на пост генерального секретаря МИД: «При таком стечении обстоятельств нечего ждать от Балкан... Надежды на восточные союзы бесполезны... Союзы не возникают по зову бедствия»²⁴. Шарль-Ру в данном случае трезво оценил обстановку. Не говоря уже о том решающем ударе, который был нанесен французской системе восточных союзов мюнхенским сговором и отказом от соглашения с СССР во время августовских 1939 г. англо-франко-советских переговоров военных миссий, всякая возможность создания Балканского фронта шаг за шагом была похоронена в период «странной войны» переходом англо-французской коалиции к оборонительной стратегии на Ближнем Востоке.

Недоумение французских властей в Леванте отразил верховный комиссар Франции в Сирии и Ливане Г. Пюо, отметивший 28 мая в своем дневнике: «Не осуждены ли мы здесь (на Ближнем Востоке. — В. Б.) на оборону? Только турки могут думать, что мы в несколько дней будем хозяевами Додеканеса»²⁵.

В конце мая Форин Оффис внес изменения в инструкции британскому послу в Анкаре Нэтчбулл-Хьюджессену о мерах,

²¹ PRO, Cab. 80/11, COS(40)353(JP), p. 51.

²² PRO, Cab. 80/11, COS(40)370(JP), p. 155—157.

²³ PRO, Cab. 80/11, COS(40)392, p. 284—286.

²⁴ Charles-Roux F. Cinq mois tragiques aux affaires etrangeres. P., 1949, p. 5.

²⁵ Puaux G. Deux annees au Levant. Souvenirs de Syrie et Liban. 1939—1940. P., 1952, p. 193.

которых надлежало добиваться от Турции в случае вступления Италии в войну. Из инструкций было исключено требование оккупации Додеканеса турецкими войсками²⁶. Тем самым англичане, по сути дела, устранили последние возможности активных наступательных действий против фашистской Италии в Восточном Средиземноморье. Такое решение было лишь частным проявлением изменений в общем стратегическом планировании англо-французской коалиции²⁷.

При определении турецкой позиции накануне вступления Италии в войну важно иметь в виду заявление, сделанное турецким министром иностранных дел Сараджоглу югославскому посланнику в Анкаре 24 мая: «В случае вступления Италии в войну против союзников, Турция добросовестно выполнит свои обязательства. Турция готова взять на себя обязательства помощи на случай, если Германия, Италия или обе эти державы вместе атакуют Югославию, но эти обязательства могут быть приняты только на основе взаимности и после того, как Турция договорится с союзниками»²⁸.

11 июня состоялась любопытная беседа Галифакса с турецким послом в Лондоне Арасом. Британский министр иностранных дел начал с вопроса об акции, которую намерено предпринять турецкое правительство в связи со вступлением в войну Италии. Он сказал, что союзники ожидают от Турции объявления Италии войны. Арас заверил, что Турция, несомненно, «немедленно ответит своего посла из Рима». Вместе с тем посол подчеркнул: «Действия одной Турции не имели бы большого эффекта, и главное, чтобы вместе с Турцией в войну были введены Балканы». Турецкий контрплан содержал программу наступательных действий: «Нанести Италии смертельный удар на Додеканесе и в Албании, спасение территорий которых было бы делом, которое должно объединить Балканские страны». Показательно, что Галифакс не стал настаивать на первоначальном тезисе о разрыве с Италией и предложил Арасу представить ноту на эту тему, чтобы британское правительство могло изучить турецкие соображения²⁹.

Для выяснения вопроса о том, насколько турецкие предложения соответствовали британским планам, чрезвычайно интересно сопоставление двух документов — двух вариантов доклада британского комитета начальников штабов о балканской и восточносредиземноморской политике. Первый — составлен накануне вступления Италии в войну и датирован 8 июня³⁰.

---

²⁶ Auswärtiges Amt. 1939/41, N 6. Die Geheimakten des französischen Generalstabes. Berl., 1941, N 65, S. 381.

²⁷ История второй мировой войны в 12-ти т., т. 3, с. 108.

²⁸ Villèle P. Journal d'une défaite, p. 349.

²⁹ PRO, FO 424/284, N 32, p. 54.

³⁰ PRO, Cab. 80/12, COS(40)438(JP), p. 216—218.

Второй — утвержден военным кабинетом 11 июня³¹. Содержание доклада свидетельствует о попытке английского командования увязать идею Балканского фронта с общей оборонительной концепцией военной политики в Восточном Средиземноморье. Эта запоздавшая попытка была продиктована крайней озабоченностью Англии перспективой того, что государства Балканского полуострова попадут в руки противника без сопротивления. «При нынешнем положении, — заключали начальники штабов, — в наших интересах поощрить Югославию и Грецию к вступлению в войну на стороне Франции, Англии и Турции». Но создание Балканского фронта предусматривалось лишь как ответная мера в случае итальянской агрессии на Балканах или в Восточном Средиземноморье. В качестве «казус белли» доклад комитета начальников штабов от 8 июня предлагал рассматривать нападение Италии на Югославию.

Весьма симптоматично, что из утвержденного военным кабинетом 11 июня варианта доклада был исключен параграф о нападении Италии на Югославию как «казусе белли». При таком подходе идея «Балканского фронта» повисала в воздухе: во-первых, наступательные операции на Балканах и в Восточном Средиземноморье не входили в намерения Лондона; во-вторых, оставалось неопределенным, при каких обстоятельствах в игру должен был вступить Балканский фронт оборонительного характера; в-третьих, доклад не предусматривал никаких реальных мер со стороны союзников в поддержку Балканского фронта. Тем самым план британского руководства сводился к чисто символической демонстрации готовности со стороны Англии, Франции и Турции поддержать сопротивление стран Балканского полуострова в случае фашистской агрессии против них.

По-видимому, в Лондоне не оставили без внимания заявление Муссолини 10 июня о том, что Восточное Средиземноморье и Балканы не будут включены в зону военных действий: «Италия не намерена вовлекать в конфликт другие народы, которые граничат с ней с моря или с суши. Пусть Швейцария, Югославия, Турция, Египет, Греция учтут эти слова»³². В этих условиях для Англии было предпочтительнее сохранить Турцию в роли «невоюющего союзника», чтобы не создавать державам фашистской оси повода для перенесения войны на подступы к своим ближневосточным владениям.

Что касается позиции правительства Франции по этому вопросу, то ею был озадачен даже Массигли, французский посол в Анкаре. Он сообщает в своих мемуарах, что в период с 11 по 16 июня предпринял ряд демаршей, добиваясь от ту-

---

³¹ PRO, Cab. 80/12, COS(40)442(JP), p. 251—253.

³² Цит. по: Известия, 1940, 11 июня.

рецкого правительства в ответ на вступление Италии в войну следующих мероприятий: разрыва дипломатических отношений с Римом, всеобщей мобилизации, предоставления союзникам баз на турецкой территории и объявления в дальнейшем войны Италии³³. При этом Массигли отмечает, что в обращениях к турецким руководителям он неоднократно подчеркивал, что действует в данном случае «без специальных инструкций, вдохновляясь генеральной линией французской политики»³⁴. Очевидно, в такой ситуации он чувствовал себя весьма неуверенно. Собираясь 11 июня предъявить Менеменджюглу, генеральному секретарю турецкого МИД, упомянутые требования, Массигли признался своему британскому коллеге: «Я кажусь себе как бы убийцей»³⁵.

Только 13 июня, пишет Массигли, из Тура, куда перебралось французское правительство, ему была направлена телеграмма с инструкциями, которые предписывали удвоить усилия, добиваясь, чтобы Балканские страны «с данного момента» в контакте с союзниками рассмотрели меры, способные «предотвратить реализацию итальянских намерений»³⁶.

Массигли объясняет недостаточное внимание французского правительства к турецкому вопросу в эти дни пререклечением активности на дебаты о выходе Франции из войны и сожалеет, что департамент поставил его в ложное положение, не дав своевременно инструкции действовать в Анкаре без лишней настойчивости³⁷.

Учитывая вышеизложенное, трудно говорить о скольконибудь решительном требовании правительства Третьей республики о вступлении Турции в войну.

На Анкару не могло не воздействовать замешательство в правящих кругах союзных держав. Положение на фронте было катастрофическим. В руководстве Франции верх забирали капитулянты. Английское — «сосредоточило свои мысли на двух вопросах: продолжать ли борьбу после капитуляции Франции и если продолжать, то каков должен быть политический и стратегический план дальнейшей войны»³⁸. В составе военного кабинета еще сохраняла влияние группировка Чемберлена-Галифакса, выступавшая за «разумное соглашение» с Германией, и Черчиллю приходилось преодолевать сильное сопротивление, отстаивая курс на продолжение борьбы.

Не удивительно, что и турецкое правительство оказалось

---

³³ См.: Massigli R. La Turquie devant la guerre. Mission a Ankara 1939—1940. P., 1964, p. 433.

³⁴ Ibid., p. 441.

³⁵ Ibid., p. 433.

³⁶ Ibid., p. 438.

³⁷ Ibid., p. 441.

³⁸ Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны 1939—1945. М., 1965, с. 128.

в полной растерянности. Итальянский посол Де Пеппо, который вечером 10 июня явился на дом к Сараджоглу, не смог выведать ничего вразумительного относительно позиции Турции. Турецкий министр иностранных дел повторял одну фразу: «Дела идут плохо, очень плохо»³⁹.

После ряда экстренных заседаний совет министров Турции избрал тактику выжидания. Одновременно в качестве «пробного шара» было использовано правительственное сообщение, которое сделал премьер-министр Р. Сайдам утром 14 июня на совещании парламентской фракции правящей народно-республиканской партии. Турецкое правительство умышленно не делало из этого сообщения большого секрета, вместе с тем оно не было опубликовано. Фактически, Турция избегала официального публичного заявления о своей позиции. По данным германского и итальянского посольств, сообщение Сайдама имело следующее содержание: «Вследствие вступления Италии в войну и отвечая на запросы английского и французского послов, турецкое правительство оценило обстановку и установило, что вступление Турции в войну в нынешней ситуации может привести ее к войне с СССР. Поэтому правительство решило применить протокол № 2 англо-франко-турецкого пакта и, как следствие, сохранить нейтралитет в новом конфликте»⁴⁰.

Привлекает внимание то, что в тексте, который приводится в донесениях Папена и Де Пеппо, использована формулировка «сохранить нейтралитет», тогда как турецкая печать в эти дни писала о продолжении «политики пребывания вне войны»⁴¹. Такое расхождение можно объяснить двояко: либо фашистская дипломатия стремилась выдать желаемое за действительное, воспринимая сообщение Сайдама от 14 июня как заявление о нейтралитете, либо турецкое правительство уточнило под давлением Запада свою позицию. Во всяком случае, дополнительный зондаж 16 июня заставил Де Пеппо вносить коррективы в свое донесение. Генеральный секретарь МИД Менеменджюглу заявил ему, что Турция будет «придерживаться состояния невоюющей стороны». На вопрос Де Пеппо, можно ли трактовать позицию Турции как состояние нейтралитета, Менеменджюглу сказал: «Мы не нуждаемся подобно генералу Франко в том, чтобы делать заявление о неучастии в войне: мы были невоюющей стороной до вступления в войну Италии и остаемся в этом состоянии и после»⁴².

Германский посол Папен, по-видимому, не строил иллюзий насчет перехода Турции с позиции невоюющего союзника западных держав на позицию нейтральной страны. Передан-

---

³⁹ DDI, ser. 9, v. 5, N 30, p. 28.

⁴⁰ DGFP, ser. D, v. 9, N 431, p. 566; DDI, ser. 9, v. 5, N 20, p. 18.

⁴¹ A t a ö v T. Turkish Foreign Policy 1939—1945. Ankara, 1965, p. 75.

⁴² DDI, ser. 9, v. 5, N 28, p. 25—26.

ная им в Берлин оценка маневра турецкого правительства была весьма трезвой: «Совет министров решил выполнять свои обязательства, но не видит причин для вступления в конфликт из-за итальянского объявления войны»⁴³.

После сообщения Сайдама парламентской фракции народно-республиканской партии 14 июня со дня на день вплоть до 26 июня откладывалось официальное заявление Турции о своей позиции. Этот маневр понадобился турецкому правительству не только для выяснения реакции заинтересованных держав. Существовала еще одна важная причина, тесно связанная с вопросом о «французском наследстве». На Ближнем Востоке этот вопрос сводился к судьбе французского мандата в Леванте, на который претендовала фашистская Италия.

18 июня Гитлер и Муссолини встретились в Мюнхене для обсуждения условий перемирия с Францией. Фашистская Италия, как видно из подготовленной по этому случаю Чиано для Муссолини памятной записки, содержавшей предварительное изложение требований к Франции, покушалась среди прочего на оккупацию Сирии⁴⁴.

Перспектива возникновения фашистского плацдарма на Ближнем Востоке одинаково беспокоила и Англию, и Турцию. Англичане видели два пути противодействия этой опасности. С одной стороны, возможен был вариант с заменой в Леванте Франции на Турцию. Орган министерства колоний «Грэйт Бритн энд Ист» писал 13 июня: «Если союзные войска будут выведены из Сирии и Палестины для защиты Франции и Британии, турецкая армия сможет заменить их»⁴⁵. С другой стороны, Лондон добивался, чтобы французская администрация в колониях, в том числе мандатные власти в Сирии и Ливане, а также командование ливантйской армии Франции, продолжала борьбу в сотрудничестве с Англией, каковы бы ни были условия перемирия⁴⁶.

В этом вопросе турецкое и британское правительства пришли к полному взаимопониманию. «Турция обеспокоена статусом Сирии в случае капитуляции Франции», — сообщала 19 июня лондонская «Таймс»⁴⁷. Через день та же газета писала, что Турция будет выжидать, пока не станут известны результаты переговоров об условиях перемирия во Франции, что между турецкими властями и французским командованием в Сирии уже имели место консультации, и, ссылаясь на компетентные турецкие круги, заявила: «Турция никогда не позволит водвориться в Сирии какой-либо другой державе, кро-

⁴³ DGFP, ser. D, v. 9, N 424, p. 560.

⁴⁴ DDI, ser. 9, v. 5, N 45, p. 35—36.

⁴⁵ Great Britain and the East, 1940. 13. 6. p. 422.

⁴⁶ Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны, с. 123.

⁴⁷ The Times, 1940. 19. 6.

ме Франции. Турция согласилась бы только на декларацию о независимости Сирии»⁴⁸.

19 июня президент Турции Исмет Иненю через французского посла Массигли передал вместе с дежурными заверениями о лояльности и об отсутствии у Турции претензий на сирийскую территорию правительству Петэна недвусмысленное предупреждение: «Если вы позволите Италии водвориться в Сирии, все изменится, ибо мы не можем этого допустить: это было бы для нас окружением»⁴⁹.

20 июня орган британского министерства колоний выступил с полным одобрением турецкой позиции: «Если бы Турция решилась вступить в войну, было бы относительно легким делом захватить острова Додеканес, но эта акция не способна повлиять на ход конфликта. И в этом причина, по которой Турция сохранит свободу рук...». В роли невоюющего союзника, заключал журнал, Турция в данный момент должна «сослужить самую ценную службу»⁵⁰.

Разумеется, вопрос о Сирии решал не Петэн и даже не Муссолини: условия диктовал Гитлер, но позиция Турции была существенным дополнением к целому ряду других факторов, воздействовавших на ход переговоров о перемирии с Францией. Гитлер не собирался выполнять свои обещания относительно политической гегемонии Италии в Средиземном море и, кроме того, к «снисходительности» в вопросе о «французском наследстве» вынуждала позиция французской колониальной администрации.

Массигли сообщает в своих мемуарах, что он в те дни подумывал о том, чтобы выйти в отставку и, оставаясь в Анкаре, выступить в качестве «рупора и защитника» так называемой «Заморской Франции». Командующий французскими войсками в Леванте генерал Миттельхаузер и верховный комиссар Франции в Сирии и Ливане Г. Пюо 19 июня известили его о своем решении продолжать борьбу в сотрудничестве с англичанами, но Массигли рекомендовал им не спешить с окончательным решением, пока не станут известны условия перемирия. После подписания франко-германского 22 июня и франко-итальянского 24 июня соглашений о перемирии, которые оставляли петэновской Франции ее империю, Миттельхаузер, Пюо и Массигли вслед за французскими властями в Северной Африке отложили мысли о неповиновении⁵¹.

К этому времени и Анкара сошла выполненными задачи своего маневра. 26 июня премьер-министр Сайдам выступил с официальным правительственным заявлением для печати.

---

⁴⁸ The Times, 1940. 21. 6.

⁴⁹ Massigli R. La Turquie devant la guerre, p. 446.

⁵⁰ Great Britain and the East, 1940. 20. 6, p. 429.

⁵¹ См.: Massigli R. La Turquie devant la guerre, p. 449—453.

Повторяя основные положения сообщения от 14 июня, он информировал о сохранении Турцией позиции невоюющей стороны на основании применения протокола № 2 союзного договора от 19 октября 1939 г.⁵² При всей своей формальной осторожности заявление свидетельствовало, что англо-франко-турецкий пакт, несмотря на капитуляцию Франции, сохранял свое значение как двусторонний англо-турецкий, что предусматривалось статьей 7 трехстороннего договора.

Турция определила свою позицию на данном этапе второй мировой войны с одобрения Англии и в полном соответствии с британской оборонительной стратегией в Восточном Средиземноморье. «Исмет Иненю, — отмечает в своих мемуарах Массигли, — нашел в Лондоне достаточно проницательных и гибких партнеров, чтобы поддержать его игру»⁵³.

Британский посол в Анкаре Нэтчбулл-Хьюджесен в политическом отчете за 1940 г. писал: «Возможно, кое-где решение турецкого правительства вызвало сомнения в его лояльности договору... Но как воюющий союзник Турция была бы скорее пассивом, чем активом...»⁵⁴.

Англо-турецкое сотрудничество продолжалось. В конце июня в Турцию прибыл адмирал Говард Келли в качестве личного представителя британского главнокомандующего в Средиземном море для обеспечения постоянной военной координации⁵⁵. Британский комитет начальников штабов в эти дни сделал вывод, что «турки будут сопротивляться» угрозе нарушения статус-кво на Ближнем Востоке со стороны фашистских держав⁵⁶.

Обращает на себя внимание тот факт, что в качестве формального обоснования своей позиции Турция использовала протокол № 2 к англо-франко-турецкому договору. Этот протокол, так называемая «русская оговорка», предусматривал, что обязательства, взятые Турцией, не могли принудить ее к действиям, способным вовлечь ее в вооруженный конфликт с СССР.

Форин Оффис в меморандуме для комитета начальников штабов от 28 июня 1940 г. указал три аргумента, которыми оперировала турецкая сторона в оправдание своего решения перед Англией: а) военные затруднения союзников, б) недостаточная с их стороны помощь Турции, в) позиция Советского Союза. «Последнее — лишь предлог, но два первых — серьезно», — так откровенно оценил Форин Оффис мотивировку турецкой позиции⁵⁷.

⁵² См.: Ataöv T. Turkish Foreign Policy, p. 74—75.

⁵³ Massigli R. La Turquie devant la guerre, p. 498.

⁵⁴ PRO, FO 424/286, N 2, p. 18.

⁵⁵ Ibid., p. 19.

⁵⁶ PRO, Cab. 80/14, COS(40)512, 521.

⁵⁷ PRO, Cab. 80/14, COS(40)504(JP), ann.

Советский Союз был последовательным противником распространения пожара войны в особенности на страны, прилегающие к его границам. В апреле — июне 1940 г. СССР оставался основным препятствием на пути фашистской агрессии в Юго-Восточной Европе, и фактически все страны Балканской Антанты, кроме Румынии, использовали в своих интересах политическую поддержку СССР⁵⁸. Общий тон турецкой печати накануне вступления Италии в войну хорошо отразила крупнейшая газета «Джумхуриет», писавшая: «Турецкие и советские интересы на Ближнем Востоке идентичны настолько, что с договорными обязательствами или без них они следуют одним и тем же курсом»⁵⁹. В этих условиях обращение турецкого правительства к «русской оговорке» не имело оправданий.

С выходом Франции из игры на Ближнем Востоке завязывался новый узел. Было бы неправомерно ставить ослабление позиций Запада в Восточном Средиземноморье в зависимость от решения Турции вступить или не вступить в войну. Ситуация на Ближнем Востоке находилась прежде всего под влиянием кардинальных изменений в европейской политике. «Успехи фашистской Германии в «молниеносной войне» против сил англо-французской коалиции изменили политическую обстановку в Европе. Быстро высвободив свои вооруженные силы в Западной Европе, рейх начал непосредственную подготовку к новым захватническим походам. Со всей очевидностью вырисовывалась угроза германской агрессии на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке»⁶⁰.

Для британской ближневосточной политики новая фаза в развитии второй мировой войны началась не в лучших условиях. В лице Франции Англия потеряла союзника, который содержал на Ближнем Востоке 150-тысячную левантийскую армию. Приверженность к оборонительной стратегии привела к утрате шансов на прикрытие в случае необходимости подступов к ближневосточным владениям созданием Балканского фронта. В меморандуме Форин Оффиса от 28 июня отмечалось: «Теперь войну на Балканах нам трудно подтолкнуть. Ни одна из Балканских стран не склонна ввязываться в борьбу против Германии»⁶¹.

Негативные изменения наметились и в турецкой политике. Под воздействием непоследовательной линии англо-французского блока в войне с фашистскими державами складывались предпосылки для последующих политических зигзагов турецкого руководства.

---

⁵⁸ История внешней политики СССР в 2-х т. М., 1977, т. 1, с. 414—416.

⁵⁹ *Cumhuriyet*, 1940. 9. 6.

⁶⁰ История второй мировой войны в 12-ти т., т. 3, с. 123.

⁶¹ PRO, Cab. 80/14, COS(40)504(JP), app.